

Дугу Шао усмехнулась: «Я знаю, о чём ты хочешь сказать. Испокон веков мужчины считались выше, а женщины — ниже. Как можно допустить, чтобы женщина занялась таким делом? Подковёрные игры здесь, пожалуй, даже острее, чем в дни свержения и возведения на престол. Лучший способ — отстранённо наблюдать, дожидаться, пока они определят победителя, и тогда уже примкнуть к сильнейшему. Но задумывалась ли ты о том, что твой клан Цуй, даже пережив упадок, по-прежнему славится талантливыми потомками, чья известность достигла таких высот, что вызвала недовольство покойного императора. Если твой клан доволен нынешним положением, зачем тогда изначально примыкать к вдовствующей императрице? Раз уж примкнули, то, сохраняя двойственность, разве не боитесь её гнева?»

Цуй Мин-дэ нахмурила брови и торопливо возразила: «Ты могла бы просто перейти на её сторону».

Дугу Шао покачала головой: «У вдовствующей императрицы и так много полезных людей. Я, простая девушка, могу разве что стать уполномоченной по цуцзюй — это уже предел. А вот у Ли Второго никого нет. Получив такую редкую удачу, как я, разве она станет меня не ценить? Не принижай её. Мне кажется, у неё порой весьма твёрдые суждения».

Цуй Мин-дэ вздохнула: «Я никогда её не принижала. Я просто... недооценила Вэй Хуань».

Дугу Шао устремила на неё пылкий взгляд: «Ты недооценила Вэй Хуань или не веришь, что она и Ли Второй действительно могут быть вместе?»

Цуй Мин-дэ отвела глаза: «Вообще-то, если ты действительно хочешь командовать войсками и осуществить свою мечту, лучший путь — не ввязываться в эти распри, а выбрать кого-то из офицеров твоего отца в мужья. Тогда в будущем, подобно принцессе Пинъян, вы сможете вместе подниматься в поход, вести войска, снискать славу, обеспечить будущее детям и процветание роду».

Дугу Шао долго молчала, а потом усмехнулась: «Твой путь, конечно, хорош... но он мне не по душе».

После кончины отца матушка сразу отправила четырёх доверенных генералов в четыре главных наместничества — Бин, И, Цзин и Янчжоу — для совместного управления с местными властями. В последующие месяцы она была поглощена умиротворением императорских родственников, и в столицу непрерывно прибывали посланники, жалующие дары князьям Хо, Ци, Сюй, Цзэ и Тэн.

Когда на престол взошёл Ли Дань, матушка велела пожаловать Ли Биню княжеский титул и назначила его цыши округа Цзюнь, отправив одного, без семьи. Мои братья, лишившись титулов, принялись наперегонки обзаводиться потомством. Ли Шэн умер рано, но, помимо Ли Даня, остались трое его сыновей и дочь. У Ли Биня к тому времени уже было девять сыновей и шесть дочерей. Что до Ли Жуя, то едва он покинул столицу, как пришла весть, что одна из его служанок понесла. Конвоиры немедленно донесли об этом, и матушка распорядилась выбрать двадцать кормилиц из округа Фанчжоу, а также увеличить поставки сезонной одежды для Ли Жуя.

Я тоже не бездельничала. Матушка вновь призвала меня помогать ей с докладами — но теперь это было не то, что в округе Жу, где я переписывала десяток-другой в день. Теперь вся Поднебесная знала, что вдовствующая императрица благоволит к добрым знамениям, и все места изошрялись, представляя доклады и дары. Каждое послание начиналось как минимум с

тысячи иероглифов, а то и больше, и регулярно попадались пространные трактаты на десятки тысяч знаков. Матушка не имела терпения всё это читать, поэтому все дела, связанные со знаменами, она поручила мне и Ванъэр, велев отбирать «достойные внимания» для щедрых наград и обнародования по всей стране.

Кроме того, поскольку А-Хуань была занята переписыванием сутр, забота о Шоули естественным образом легла на мои плечи. Каждый день я должна была носить малыша на прогулку не менее получаса, а утром и вечером расспрашивать о его делах, проверяя, хорошо ли кормилицы за ним ухаживают, не притесняют ли его как сына свергнутого императора и не ленятся ли из-за его малолетства.

Август пролетел незаметно, и в первое число девятого месяца Дугу Шао наконец-то навестила меня. Она застала меня за исполнением долга младшей сестры — я наносила визит моей почтенной невестке, — и её появление вызвало лёгкое неудовольствие у обеих нас. Сделав вид, что не замечает наших взглядов, Дугу Шао сияющей улыбкой спросила: «Сегодня Всадницы Мулан проводят показательные учения на плацу. Не желаешь ли взглянуть, Вторая госпожа?»

Я переглянулась с А-Хуань, и та, взяв Шоули, удалилась внутрь. Отказавшись от паланкина, я вместе с Дугу Шао направилась к Чертогу Цзычэнь.

— Почему решила провести учения именно сейчас? — спросила я по дороге.

Улыбка Дугу Шао стала ещё лучезарнее: «Девятого числа девятого месяца состоится Обряд стрельбы из лука, и мы будем в охране. Вдруг кого-нибудь вызовут, а он промахнётся? Будет позор. Вот я и велела им усердно тренироваться последние дни, а сегодня хочу проверить результат. Я пригласила только тебя, больше никого».

Меня сразу зацепили слова «Обряд стрельбы». Говорят, этот ритуал дошёл из глубокой древности, и при нашем дворе его проводят ежегодно в третьем и девятом месяце: первый выстрел совершает Сын Неба, за ним следуют сановники. Мне участвовать не доводилось. Матушка лишь несколько раз присутствовала раньше, сопровождая отца. В прошлом году и этой весной, когда отец был тяжело болен, обряд совершал Ли Жуй, а матушка не участвовала. В этом году Ли Даню всего год — как же всё будет устроено?

Дугу Шао уловила моё любопытство и, улыбаясь, пояснила: «Вдовствующая императрица уже велела сановникам обсудить проведение сентябрьского обряда, а всё необходимое давно приготовили. Вдовствующая императрица будет использовать роговой лук».

Я всё поняла и тоже улыбнулась:

— Хорошо, позови, когда начнутся учения, я пойду с тобой.

На этом мы и расстались. Я последовала за Дугу Шао в главный зал Чертога Цзычэнь, справилась о здоровье матушки и Ли Даня, а затем отправилась в боковой зал — вместе с Ванъэр продолжать разбирать доклады. Дугу Шао же, командуя охраной, сопровождала матушку на аудиенцию.

Стояла прекрасная золотая осень. В зале не было ни льда, ни жаровен, окна и двери распахнуты настежь, и было очень комфортно. Я не просидела за столом и минуты, как мысли уже унеслись прочь из покоев, в сад. Подойдя к окну, я постояла немного, думая об А-Хуань, потом о Дугу Шао, и на душе стало ещё легче. Обернувшись, я с улыбкой сказала Ванъэр:

— Сегодня погода замечательная.

Ваньэр взглянула на меня, снова склонилась над бумагами и не проронила ни слова. В последнее время она говорила всё меньше. Порой мы проводили целый день вместе в боковом зале, и кроме докладов по делам от неё не слышали ни звука. Матушка, кажется, это даже нравилось. В последнее время, помимо нескольких канцлеров, меня и Туаньэр, больше всех наград получала именно Ваньэр. И хотя Туаньэр оставалась в фаворе, ей всё ещё приходилось жить в Ехуло, тогда как Ваньэр по новому высочайшему соизволению получила право постоянно проживать в крыле Чертога Цзычэнь, что означало возможность в любой момент предстать перед матушкой.

Видя, что она не расположена к разговору, я не стала навязываться и вышла на галерею. Походив туда-сюда, я взглянула вдаль. Сегодня был день большого собрания, которое не было таким загруженным, как обычные аудиенции в Чертоге Сюаньчжэн, и не таким важным, как совещания в Чертоге Цзычэнь. Просто матушка с Ли Данем принимали поздравления в Чертоге Ханьюань, и обычно всё заканчивалось рано. Когда матушка вернётся, я пойду к ней поболтать, потискаю маленького Ли Даня — вот и пройдёт утро. В полдень поем здесь с матушкой или вернусь в Чертог Линци к А-Хуань. После короткого отдыха вернусь, допишу несколько писем — и снова можно будет идти к А-Хуань. Кстати, её день рождения уже близко, а мой подарок ещё не готов. Наверное, в эти дни придётся выехать из дворца, чтобы лично всё проверить. А-Хуань всё советует мне уделять внимание поместьям и владениям, чтобы не оставаться в неведении. Если уж выеду, придётся и это проверить. Матушка назначила множество евнухов и казённых рабов управлять моими делами — наверное, и их стоит проверить? В прошлой жизни я всегда завидовала богачам, а теперь понимаю: когда денег много, управлять ими тоже непросто. Впрочем, мне их и так хватает — может, просто раздать?

Размышляя об этом, я снова выглянула наружу. Матушка ещё не вернулась, зато солнце светило так ярко, что слепило глаза. Вдруг налетел свежий осенний ветерок, прохладный и очень приятный. Идеальный день для игры в мяч. А-Хуань тоже давно не играла. Может, после учений Дугу Шао пригласить её? Шоули уже миновал возраст, когда он спал по десять часов в сутки. Стоило положить его в колыбель, как он начинал дрыгать пухленькими ножками. Ещё он обожал, когда перед ним звенели колокольчиком, — заслышав звон, сразу заливался смехом. Этот малыш плакал только когда хотел есть, а в остальное время, если падал, мёрз или перегревался, просто протягивал ручки, чтобы его подняли. Вылитая я в детстве. Если бы я не была женщиной, он вполне мог бы оказаться моим сыном. Даже будучи женщиной, я иногда задумываюсь: может ли то, что происходит между женщинами, влиять на ребёнка? Ведь он так на меня похож, хотя его родная мать — вовсе не А-Хуань.